

Чудинов Сергей Ивановичкандидат философских наук,
доцент Сибирского государственного университета
телекоммуникаций и информатики**БАЗОВЫЕ ПРИНЦИПЫ
СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ
В ОБЩЕСТВЕ РИСКА [1]****Аннотация:**

В статье обоснована стратегия профилактики и борьбы с экстремизмом в контексте общества риска. Она опирается на теоретические положения, сформулированные М. Расмуссеном в его теории стратегии войны и безопасности, а также концепт микробезопасности. Основное изменение в стратегии обеспечения безопасности связано с переходом от модели «тотальной безопасности» (стремления к элиминации всех возможных угроз) к управлению рисками.

Ключевые слова:

глобальное общество риска, экстремизм, концепция стратегии, философия безопасности.

Chudinov Sergey IvanovichPhD in Philosophy, Assistant Professor,
Siberian State University of Telecommunications
and Information Science**BASIC PRINCIPLES OF
SECURITY STRATEGY
IN THE RISK SOCIETY [1]****Summary:**

The article justifies the strategy of extremism countering and prevention in the risk society. It is based on the theoretical principles formulated by M. Rasmussen in his theory of war and security strategy in risk society, and the concept of micro-security. The main modification of the security strategy in the risk society is associated with transition from the "total security" model (elimination of all possible threats) to the risk management.

Keywords:

global risk society, extremism, concept of strategy, philosophy of security.

Модерн сформировал классические рациональность и понимание стратегии безопасности, ассоциирующиеся с военно-политическими задачами государства. Современное общество в соответствии с рискологической парадигмой сталкивается по большей части с различными по качеству и степени разрушительности рисками (неопределенными и слабо идентифицируемыми опасностями), нежели со строго фиксированными угрозами (четко определенными, «объективными», с которыми было призвано бороться государство) [2]. Очевидно, что опасности, подстерегающие общество и государство, значительно изменились с той эпохи, когда были заложены основы стратегического мышления, сопряженного с развитием суверенных национальных государств.

Эти фундаментальные изменения подвергает пристальному анализу в теоретическом труде М. Расмуссен [3]. Рассмотрим наиболее важные тезисы его исследования в целях создания опоры для обнаружения принципов новой стратегии безопасности в условиях общества риска, чему посвящена вторая часть нашей статьи.

Расмуссен утверждает, что концепт стратегии, восходящий к XVII в., создал целерациональный подход к организации вооруженных сил государства. Он появился как «путь осмысления пушек» и был связан с революцией в военном деле – появлением огнестрельного оружия (пушек и мушкетов) и задачей новой организации армии для реализации этой технологии в полной мере. Стратегия есть осмысление отношений между технологиями, средствами которых ведутся войны, доктринами, которые определяют цели кампаний, и природой врагов, с которыми сражаются. Поскольку первое (технологии) и последнее (враги) несколько раз претерпевали изменения (начиная с XVII в.), «стратегия стала средством продолжающейся рационализации использования вооруженных сил с целью идентификации технологий, доктрин и агентов, которые конституируют (constitute) как источники небезопасности, так и средства безопасности» [4, р. 5–6].

Концепт стратегии, изначально имевший отношение к военному делу, неразрывно вписан в культуру модерна. Развитие стратегического мышления или стратегии – это один из процессов, создавших сам модерн и целевую рациональность общества Запада в Новое время. Впоследствии подобное мышление вышло за рамки военно-политической сферы и приобрело универсальный характер в западном обществе, разные социальные практики были импортированы в поле «стратегического мира» [5, р. 25–26].

В обществе риска, которое представляет собой существенную трансформацию основ модерна и где в качестве ведущего фактора отмечается процесс глобализации (перерастания локальных обществ в тесно взаимосвязанный глобальный социум), концепция стратегии также претерпевает изменения. «Риск-мышление», или «рефлексивная рациональность», пришло на смену классической модернистской рациональности и стало придавать форму новым стратегиям, с помощью которых правительства пытаются достичь состояния безопасности [6, р. 2].

Стратегии, связанные с рискологическим мышлением, имеют три характерные особенности, вытекающие из системных параметров общества риска. Во-первых, стратегии обеспечения безопасности обусловлены принципом управления (менеджментом) рисками, а не стремлением к элиминации всевозможных угроз. Расмуссен более детально формулирует эту мысль так: «Стратегия – это больше не вопрос о том, как ликвидировать конкретные угрозы с целью обретения безупречной безопасности; вместо этого она стала путем управления рисками» [7, р. 11]. Во-вторых, они испытывают действие такого фактора, как «присутствие будущего» [8, р. 37–38]. Риск – предвосхищаемая возможность опасности, ожидающей нас в будущем. Рискологическое мышление, согласно выражению Э. Гидденса, связано с «колонизацией будущего», когда решения в настоящем определяются прогнозируемыми результатами в будущем, которое еще не наступило и потому не является реальным, но уже оказывает воздействие. В-третьих, новые стратегии безопасности учитывают «эффект бумеранга» от принятых решений и социально значимых действий [9, р. 39–40]. Это означает, что в обществе риска политические решения и военные действия могут откликнуться в виде асимметричного ответа, как в случае с атаками транснациональных террористических сетей и терроризмом смертников.

Учитывая аналитический механизм объяснения трансформации стратегического мышления, разработанный в исследовании Расмуссена, далее предпринята попытка обоснования базовых принципов жизнеспособной модели обеспечения безопасности в условиях глобального общества риска.

Основной принцип стратегии обеспечения безопасности заключается в переходе от модели «тотальной безопасности» (стремления к элиминации всех возможных угроз государству и обществу) к управлению рисками. Ее базовая онтологическая предпосылка: риск есть неотъемлемая часть любых процессов в современном технологически сложном и аксиологически децентрализованном социуме. При определении основ государственной стратегии обеспечения безопасности уже не идет речь о создании безупречной защиты общества от всевозможных объективных опасностей. В обществе риска скорее принято говорить о том, какие из рисков допускаются в качестве приемлемых, а каких следует избегать.

В условиях виртуализации социальной реальности развитых стран и новых форм деструктивного воздействия (информационно-психологические атаки, технологии манипуляции общественным сознанием) бессмыслен вопрос об «объективности» или «субъективности» природы политических и общественных рисков. Они вторгаются в жизнь современного человека и от них невозможно укрыться, поскольку многие из них носят глобальный характер. Виртуальные риски, созданные медиатехнологиями, а также «субъективные» риски, связанные со страхами и фобиями, циркулирующими в социуме, при сопутствующих условиях могут иметь вполне разрушительные для государства последствия. Реалистичной стратегией в данном случае выступает выбор меньших из возможных рисков с привлечением квалифицированных экспертных оценок. При прогнозировании результатов следует учитывать цепочки рисков и «эффект бумеранга» от политических решений.

Второй принцип обеспечения безопасности в обществе риска связан с принятием во внимание разрозненности организации социума, построенного на основе либерально-демократической модели, и тенденции к усилению фактора самоорганизации и спонтанности в социальных процессах. Его суть сводится к делегации государством части функций по обеспечению безопасности и в первую очередь профилактики экстремизма локальным сообществам, гражданским и общественным организациям, а также переходу от глобальных стратегий, обеспечиваемых инертным бюрократическим аппаратом власти, к динамичным механизмам мезо- и микробезопасности.

Концепт микробезопасности был концептуализирован в некоторых публикациях новосибирского ученого Е.В. Щекотина. Микробезопасность показывает необходимость схождения практик обеспечения безопасности с государственного уровня до повседневной жизни индивидов. Хрупкость, непрочность больших социальных систем, таких как государство, приводят к требованиям конструирования безопасности на микроуровне [10, с. 42]. Однако здесь не имеется в виду то «импортирование» общественных сфер в область стратегического мира (подчас в виде вульгаризации стратегии), о чем говорит Расмуссен. Скорее, речь может идти о поиске жизнеспособных ценностных оснований повседневности, которые могут стать «защитным коконом» от информационно-психологических и манипулятивных воздействий со стороны как экстремистских идеологий субгосударственных агентов, так и подрывных технологий других стран (в контексте геополитической конкуренции).

Микробезопасность, переходящая на уровень мезобезопасности (социальных групп), также подразумевает высокий уровень гражданского самосознания и способности к самоорганизации перед возможными угрозами. Эта стратегия также требует более гибкого мышления, возможности системного прогнозирования, постоянного переопределения и идентификации угроз и

рисков, в отличие от традиционного милитаристского подхода. Он работает лишь с определенным набором угроз (прежде всего военно-политического характера) и имеет тенденцию к громоздкости государственного аппарата, а соответственно – усилению инертности систем обеспечения безопасности.

Ссылки и примечания:

1. Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых № МК-530.2014.6.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 381 с.
3. Rasmussen M.V. *The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century*. N. Y., 2006. 224 p.
4. Ibid. P. 5–6.
5. Ibid. P. 25–26.
6. Ibid. P. 2.
7. Ibid. P. 11.
8. Ibid. P. 37–38.
9. Ibid. P. 39–40.
10. Щекотин Е.В. Проблема безопасности в обществе риска: микростратегии и качество жизни // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2014. № 1 (5). С. 36–42.

References and notes:

1. This article was prepared with the support of the grant of the President of the Russian Federation for the state under-delay number of young Russian scientists MK-530.2014.6.
2. Beck, U 2000, *Risk Society. On the way to another modernity*, Moscow, 381 p.
3. Rasmussen, MV 2006, *The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century*, NY, 224 p.
4. Rasmussen, MV 2006, *The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century*, NY, p. 5-6.
5. Rasmussen, MV 2006, *The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century*, NY, p. 25-26.
6. Rasmussen, MV 2006, *The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century*, NY, p. 2.
7. Rasmussen, MV 2006, *The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century*, NY, p. 11.
8. Rasmussen, MV 2006, *The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century*, NY, p. 37-38.
9. Rasmussen, MV 2006, *The Risk Society at War. Terror, Technology and Strategy in the Twenty-First Century*, NY, p. 39-40.
10. Schekotin, EV 2014, 'The problem of security in the risk society: micro strategy and life quality', *National Nye security and strategic planning*, no. 1 (5), p. 36-42.